

В.В. Тихонов
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» (Иркутск)
talci@irk.ru

Практика актуализации историко-культурного наследия западных бурят

Аннотация

В статье рассматриваются планировочные и домостроительные традиции западных бурят в XIX в. Описывается устройство крупных стационарных поселений — улусов-зимников и улусов-летников, а также более мелких поселений — православных миссионерских станов и маломорских рыбоделов, приводятся архитектурно-строительные характеристики отдельных сооружений. В заключительной части статьи рассматривается скансенологическая практика сохранения традиционной культуры западных бурят посредством создания этнических экспозиций в межрегиональном этнографическом музее народов Забайкалья «Верхняя Березовка», региональном Архитектурно-этнографическом музее под открытым небом «Тальцы», а также создания локальных (усадебных) экспозиций утэгов в музеях — Баяндаевском этнографическом музее под открытым небом и Государственном национальном музее Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

Ключевые слова: западные буряты, этнографический музей, рыбодел, гнездовая планировка, деревянная юрта

V.V. Tikhonov
The Taltsy Architectural and Ethnographic museum (Irkutsk)
talci@irk.ru

The practice of updating of the Western Buryats' historical and cultural heritage

Abstract

The article deals with the Western Buryats settlement planning and house-building traditions in the 19th century. The author describes the structure of large settlements — winter and summer ulus — and small settlements — Orthodox missionary and fish farmers camps. Also, architectural and construction characteristics of individual buildings are given. The last part of article tells about the practice of preserving the Western Buryats' traditional culture. The author describes the way of the creation of ethnic exhibits in the Inter-regional Ethnographic Museum of the People of the Baikal Region "Verhnaya Berezovka", the architectural and ethnographic open-air "Taltsy" museum, and the creation of local expositions of the Utegovs in the museums: the open-air Bayandaev ethnographic and the State National Museum of Ust-Orda Buryat Autonomous Region.

Key words: Western Buryats, ethnographic museum, fish farmer, nest layout, wooden yurt

Процесс формирования западно-бурятского этноса растянулся не на одно столетие. Это было связано с тем, что миграционные процессы в регионе с той или иной интенсивностью проходили на протяжении всего периода существования цивилизации. Информация, необходимая для формирования образа племен, представлявших западнобурятский этнос, начала поступать с приходом в Предбайкалье русских. В это время численность данных племен составляла около 10 тыс. чел. Через сто лет, по полученной в 1762 г. информации из «ревизских сказок», в Предбайкалье уже проживало 13 317 бурят [РГАДА. Ф. 350. Д. 1052], а уже по переписи 1897 г. численность составила 108 867 человек [Подгорбунский, 1902, с. 283]. Десятикратный рост численности этноса при переходе под российское подданство связан, в первую очередь, с изменениями в уровне жизни племен. Это прекращение междоусобных войн и набегов с юга монгольских и китайских отрядов, приведших к практически полному опустошению территории. Конечно, был беспредел и со стороны первых рус-

ских землепроходцев, но он — ничто в сравнении с набегам южных соседей. Ясак, который взимался со всех племен, живущих в Сибири, по современным меркам соответствовал нормальному (вполне по-сильному) налогообложению.

С приходом в регион русских западные буряты, в отличие от забайкальских бурят, вели уже полуседлый образ жизни. Их сезонный круг кочевания не превышал 30 км, в то время как у восточных бурят он был в пределах 100–200 км [Тихонов, 2013б, с. 380]. В окончательном виде западнобурятский этнос сформировался к концу XIX в., когда большая часть населения окончательно перешла на оседлый образ ведения хозяйства, с небольшими элементами кочевания в виде сезонных перегонов скота на улусы-летники [Нефедьева, 2004] и проживания зимой в улусах-зимниках [Тихонов, 2017], расположенных на удалении не более 10 км друг от друга [Жамбаева, 2004, с. 137]. Образ жизни западных бурят связан с их основным занятием — скотоводством. Такие промыслы как земледелие, охота, рыболовство первона-

чально носили вспомогательный характер. И только с середины XIX в. земледелие у бурят, живущих в Ангаро-Балаганских территориях, и рыболовство у бурят, живущих вдоль побережья оз. Байкал и на острове Ольхон, уже приобретают товарный характер. С этого времени происходит деление поселений на улусы-зимники и улусы-летники. В экспедициях мы довольно часто встречаем улусы-зимники, в том числе единичные улусы-зимники с архаичной гнездовой планировкой (Хиней, Загулан). Улусы-летники полностью утрачены с началом коллективизации в 1930-х гг. и в процессе ликвидации неперспективных деревень в конце 1950-х гг. Инфраструктуру улусов-летников растащили по родовым утэгам (усадебам) или колхозным дворам. Под улусы-зимники обычно выбирали земли вблизи водоемов с хорошим травостоем, огораживали их, формируя утуги (сенокосные луга, удобряемые унавоживанием) [Тихонов, 2002, с. 39]. К утугам примыкали утэги (усадьбы). К середине XIX в. планировка в улусах-зимниках начинает меняться с гнездовой на уличную. Вначале уличная планировка внедряется вблизи трактов, а затем, к началу XX в., охватывает практически все улусы-зимники. Расстояние между утэгами (усадебями) в улусах-зимниках при гнездовой планировке составляет от 100 до 300 м. При уличной планировке расстояние между утэгами — как в русских деревнях. Несмотря на разнообразие утэгов по инфраструктуре и планировке, при их исследовании установлены определенные закономерности. В частности, в классических утэгах присутствует старый дом, обычно конца XIX в., отапливаемый по-черному, и новый дом, построенный в первой половине XX в.; юрта восьми или четырехстенная (чаще встречаемая); ледник; амбары; навесы. Объекты располагаются по периметру усадьбы, формируя в центре двор [Тихонов, 2013а, с. 128].

Эволюцию развития утэгов можно проследить на примере утэга Александра Бураева (улус Загулан, Качугский район) [Тихонов, 2013б, с. 381]. Его история начинается с середины XIX в. Сначала строится четырехстенная юрта, затем к ней пристраивается дом в сочленении с юртой через холодные сени. В конце XIX в. на утэге строятся по русскому образцу два дома сыновей, с отоплением по-черному и с двухскатной стропильной кровлей. В 1924 г. на участке ставится новый дом по русскому образцу. Параллельно по периметру двора ведется строительство дворовой инфраструктуры: амбаров, навеса с ледником, стайки. Наиболее распространенным вариантом в плане набора построек и планировки можно рассматривать утэг Корнилы Бураева (улус Загулан, Качугского района), где по периметру располагаются новый дом (нач. XX в.), старый дом (кон. XIX в.), четырехстенная юрта с кровлей на подпорных столбах, ледник, пристроенный к юрте, и амбар. На утуге — стайки, навес для скота, овин и гумно. До нашего времени почти единичными сохранились усадьбы богатых бурят, таких как тайши Пирожков (пос. Бохан) и Александров (улус Шутхулун). У тайши Пирожкова был большой двухэтажный (по городскому типу) дом и двухэтажный флигель для прислуги, разнообразные хозяйственные постройки — двухэтажные амбары, конюшня и иные постройки. Утэг тайши Александрова располагал двумя большими домами городской архитектуры с богатой отделкой фасада, включающей объемную резьбу. Дома строи-

ли польские ссыльные. В утэге были две восьмистенных больших юрты, конюшня, стайки, навес, амбары. Из всех построек этого утэга сохранился только основной дом. В качестве примера можно привести еще утэг Степанова (улус Баянгазуй), состоящий из дома по городскому типу (нач. XX в.), пятистенка с холодными сенями, старого дома (в последующем используемого как зимовье), амбара и шестистенной (несохранившейся) юрты. В данном случае следует обратить внимание на шестистенную юрту. В период появления русских первопроходцев в регионе местные жители буряты жили в войлочных и деревянных шестистенных юртах [Жамбалова, 2004, с. 142]. В последующем во второй половине XIX в. шестистенные деревянные юрты стали выходить из обихода и заменяться четырехстенными, чаще всего встречающимися в утэгах, и восьмистенными, наиболее характерными для улусов-летников. Автор в своих экспедициях только один раз видел шестистенную юрту в уже полуразрушенном состоянии в улусе Большой Улун Качугского района [Тихонов, 2013а, с. 129].

В деревянных юртах основную стопу собирали из круглого бревна, полубревна или граненого бревна [Тихонов, 2002, с. 41]. Пол был поначалу земляной, в последующем был комбинированный (мужская половина застилалась толстой доской или полубревном, остальная оставалась земляной) или полностью застилался доской (полубревном) за исключением пространства под очаг в центре (обычно 2x2 м). Кровля была стропильной, покрытой жердями и сверху лиственничной корой. Для удержания коры от ветра на нее насыпали землю или покрывали дерном. Берестяная кора не использовалась, потому что пробивалась корнями пырея, растущего на дерне, который покрывал кору. В небольших юртах кровля строилась без поддерживающих устройств. В больших юртах кровлю поддерживали четыре столба [Тихонов, 2002, с. 41]. Были юрты с балко-стропильной системой поддержки кровли [Тихонов, 2017, с. 258]. Уникальной конструкцией поддержки кровли можно назвать шатровую, которую автор видел в юрте Этнографического музея народов Забайкалья «Верхняя Березовка» [Тихонов, 2017, с. 259].

В последующем систему покрытия юрт разнообразили. На стропильную систему укладывали короткое драньё в два слоя и в три ряда; покрывали в два слоя голтельной доской; пятислойное покрытие состояло из (снизу вверх): широких плах, лиственничной коры, дёрна, воздушного пространства (8–10 см) и двух слоев голтельной доски. Последнее устройство позволяло сохранить более стабильную температуру в течение суток во внутреннем пространстве юрты. Обязательной составной частью кровли юрты было дымовое отверстие в центре кровли, обычно квадратное, но могло оно повторять и конфигурацию стен юрты. Вход в юрту строился с восточной или юго-восточной стороны, где всходило солнце. В местностях, где были сильные ветра, к примеру на Байкале, к входу пристраивали сени или крытое крыльцо. Для хранения припасов ставили к одной из стен кладовую, с входом из юрты. Окна в юрту стали прорезать уже с XX в. Бревна стопы укладывались очень плотно друг к другу, без утепления мхом. Последнее говорило об очень высоком мастерстве строителей. При рубке углов стен использовали тот же способ, что и при строительстве русских домов.

Улусы-летники существовали для выпаса скота на более обширных территориях, вне улусов-зимников, где травостой сохранился к зиме. На улусы-летники переезжали с появлением первой зеленой травы, обычно в конце апреля, и пасли скот по октябрь включительно.

В Предбайкальском регионе улусы-летники комплектовались в основном стационарными постройками, хотя встречались иногда и войлочные юрты [Тихонов, 2013а, с. 130]. Из стационарных построек в инфраструктуре улуса-летника были: юрты деревянные, в основном восьмистенные, различных конструкций; навесы для скота и хозяйственных нужд, в том числе пристроенные к юртам; печь под навесом для выпечки хлеба; коновязные столбы сэргэ (бариса на о. Ольхон); колодец с поилкой для скота (когда улус-летник был на удалении от ручья или реки); поскотная ограда вокруг улуса. Юрты в планировке составляли полукруг вогнутой частью на восток или юго-восток. Последнее связано с содержанием скота в ночное время, его загоняли в этот полукруг, чтобы он весь был виден. Следует отметить, что буряты на о. Ольхон летников не имели, а скот круглый год пасся на подножном корму вокруг улусов-зимников.

Улусы-зимники и улусы-летники были основными стационарными поселениями у западных бурят на рубеже XIX–XX вв. К более мелким поселениям можно отнести бурятские православные миссионерские станы и бурятские маломорские рыбоделы. Бурятских православных миссионерских станов в регионе было 28 [Тихонов, 2018, с. 96]. Точную цифру крещеных бурят в Иркутской губернии вряд ли можно определить. По одним данным, на 1910 г. их было 85,8% [Тихонов, 2015, с. 196], по другим на 1895 г. — 35% [Кулаков, 1895, с. 120]. Такая разница в цифрах не удивительна. При крещении буряты, помимо натуральных дивидендов в виде трехрублевых подаваний или крестильной рубахи, получали еще некоторые льготы. В улусе Залаг (Качугского р-на) купец Сапожников бурятам, которые крестились, выдавал даже по 35 рублей. Это на начало XX в. были очень большие деньги. Поэтому ради материальной выгоды многие буряты проходили формальное крещение, в душе оставаясь шаманистами, то есть становились двоеверцами.

Миссионерские станы в Иркутской губернии стали возникать с середины XIX в. Так, в 1883 г. их было уже пять. Обычно миссионерский стан обслуживал от 15 до 43 улусов на расстоянии до 70 км ис населением от 3 до 10 тыс. человек. Миссионерские станы ставились на небольшом удалении от какого-либо улуса-зимника. Чаще всего выбирали большой улус. Очень редко православные миссионерские станы размещались в самих улусах. Состав инфраструктуры православных миссионерских станов был неоднороден. Основой православных миссионерских станов была церковь. Чаще всего она строилась по готовым, рекомендованным властью проектам. Ставили православный миссионерский стан обычно у какого-нибудь водоема — для удобства при крещении большой массы людей. Школы были не во всех православных миссионерских станах, в Иркутской губернии только в 11 из 28. В состав станов входил дом священника. Он стоял недалеко от церкви. При стане иногда ставили деревянную юрту для родителей бурятских детей, обучающихся в школе. В школе учились не только дети бурят, но и дети русских из

ближайших деревень. При доме священника, а иногда и в отдельном здании при фельдшерском пункте, была аптека. Смысловое содержание аптеки или фельдшерского пункта — отучение бурят от лечения у шаманов и лам. Ламаизм в среду бурят Иркутской губернии проникал постепенно, это объяснялось общим православным настроением властей Иркутской губернии, мешавших этому процессу.

К началу XX в. ламаистов среди западных бурят было от 5 до 10% [Кулаков, 1895, с. 120]. В основном они расселялись в Аларском, Ольхонском районах и Тункинской долине. Буддийские миссионеры, обосновываясь в регионе (в Саянах, на о. Ольхон) с конца XIX в., строили молельные избушки — манхо (2x2 м). Некоторые из них сохранились до настоящего времени на о. Ольхон [Губин, 2004]. В последующем были построены дацаны — Аларский в 1812 г. в улусе Хигинском Баяндаевского уезда [Шинковой, 2009, с. 11] и Ольхонский в 1905 г. на о. Ольхон на р. Харанцинке. Все дацаны в 30-е гг. XX в. были уничтожены. Из ольхонского двухэтажного дацана в пос. Хужир (о. Ольхон) в 1939 г. построили двухквартирный дом, существующий по наше время.

Несмотря на миссионерскую деятельность православной церкви и буддийских миссионеров, основная масса западных бурят продолжала придерживаться шаманистской веры. Наиболее массовым шаманистским обрядом был Тайлаган — обрядовое действие с просьбой у духов благополучия в травостое, урожае, прибавлении скота и т.д. Для обряда недалеко от улуса выбиралось укромное место с необычными природными явлениями (сгоревшее от грозы дерево, замысловатые скальные выходы, родники и т.д.), на котором и проходило ритуальное действие под предводительством шамана. Действия обычно проводили весной перед появлением первой травы. Такие места были практически у всех улусов.

Основным отличием западных бурят, живущих вдоль побережья оз. Байкал, от степных бурят Верхолэнско-Балаганской долины, было то, что они занимались товарной добычей рыбы. Этому соответствовала инфраструктура в виде маломорских бурятских рыболовецких станов.

К настоящему времени сохранилась только небольшая часть историко-культурного наследия западных бурят в материальных носителях культуры. Задача нынешнего поколения — провести актуализацию этого наследия, и, по возможности без искажений, выполнить аутентичное воссоздание утраченного. Наиболее гарантированной и вместе с тем доступной для населения формой сохранения в искаженном виде дошедшего наследия во всем мире считается скансенологическая практика, то есть музеефикация этого наследия посредством создания разнотипных и разномасштабных этнографических музеев под открытым небом. Актуализация историко-культурного наследия западных бурят в Иркутской области производится за счет строительства этнических экспозиций в региональном Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы», муниципальном Баяндаевском этнографическом музее под открытым небом, Государственном национальном музее Усть-Ордынского Бурятского АО.

В Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» на основе детального историко-культурного зонирования Иркутской области, проведенного в

1993–2015 гг., уже сформирован бурятский улус-летник, состоящий из шести разнотипных восьмистенных юрт, различного типа навесов, уличной печи, коновязных столбов сэргэ; бурятского маломорского рыболовецкого стана, состоящего из рыбодола, навеса для лодок, воротов для неводов, сушил для сетей, мест для разделки рыбы и для приготовления пищи, а также приспособления для смоления неводов. Под экспозицию улуса-зимника вывезен основной дом из утэга Александрова, основной дом, дом-зимовье и амбар из утэга Степанова. Планируется вывезти дома сыновей из утэга Александра Бураева, остальную инфраструктуру сформировать за счет аналогов или в новоделе. Утэг Корнилы Бураева будет сформирован за счет вывозки объектов оригиналов. Под бурятский православный миссионерский стан вывезена школа из пос. Кимильтей, остальная инфраструктура подбирается. Ламайскую веру в музее будут демонстрировать за счет аутентичного воссоздания манхо. Подбирается место для воссоздания Тайлагана.

В Государственном национальном музее Усть-Ордынского Бурятского автономного округа сформирована отдельно стоящая от основного здания экспозиция утэга, состоящего из дома с пристроенным к нему ледником, восьмистенной юрты с крыльцом, двухъярусного четырехкамерного амбара. Бурятская экспозиция в Баяндаевском этнографическом музее под открытым небом также состоит из утэга. В составе экспозиции — дом, юрта и навес. Уникальной здесь является восьмистенная юрта с дерновым покрытием. Ее особенность — встроенная мебель (таковую автор за все время экспедиционных исследований видел только в двух юртах). В перспективе планируется создание западнобурятской экспозиции в Архитектурно-этнографическом музее «Ангарская деревня» (г. Братск), а также строительство при горе Ёрд (пос. Еланцы) улуса-летника.

Вне Иркутской области тематика западных бурят сформирована в экспозициях Забайкальского этнографического музея «Верхняя Березовка». В этом музее работают экспозиции двух утэгов предбайкальских (западных) бурят и экспозиции в двух восьмистенных юртах, одна из которых имеет шатровую систему кровли.

По некоторым данным в конце 80-х гг. XX в. в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН А.П. Окладниковым с территории Иркутской области вывезена юрта западных бурят. Учитывая то, что этот объект хранился в складированном состоянии довольно много лет, он должен уже прийти в состояние, не подлежащее реставрации.

В заключение следует отметить, что в статье коротко, буквально в тезисном порядке, отмечены все моменты по состоянию актуализации историко-культурного потенциала западных бурят в материальных носителях культуры.

Список литературы

1. Губин А.А. Манхо // Тальцы. — 2004. — № 2 (21). — С. 46–49.
2. Жамбалова С.Г. Традиционная система жизнеобеспечения: Поселения и жилища // Буряты. — М.: Наука, 2004. — С. 136–150.
3. Кулаков П.Е. Буряты Иркутской губернии // Из-

вестия ВСОИРГО. — 1895. — Т. 26. — Вып. 4–5. — С. 118–166.

4. Нефедьева А.К. Бурятский улус-летник в музее «Тальцы» // Тальцы. — 2004. — №2 (21). — С. 56–61.

5. Подгорбунский И.А. Буряты (исторический очерк) // Прибавление к «Иркутским епархиальным ведомостям». — 1902. — №13–14. — С. 29–301.

6. Тихонов В.В. Бурятская юрта конца XIX — начала XX века из улуса Баянгазуй // Тальцы. — 2002. — №1 (13). — С. 39–44.

7. Тихонов В.В. Перспектива сохранения материальных носителей традиционной культуры Предбайкальских бурят // В мире научных открытий. — 2013а. — №9 (45). — С. 376–387.

8. Тихонов В.В. Характер поселений западных бурят конца XIX — начала XX века // Проблемы сохранения, изучения и использования культурного наследия в современном музее. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, 2013б. — С. 127–131.

9. Тихонов В.В. Перспектива музеефикации элементов православной миссионерской деятельности во второй половине XIX — начале XX века в Иркутской губернии // Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях. — Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2015. — С. 193–198.

10. Тихонов В.В. Улус-зимник западных бурят // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — 2017. — №9. — С. 248–265.

11. Тихонов В.В. Элементы материальной культуры, обеспечивающие духовные потребности западных бурят // Этнографический музей сегодня: Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию со дня основания Этнографического музея народов Забайкалья. — Улан-Удэ: Изд-во ФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова», 2018. — С. 92–98.

12. Шинковой А.И. К истории ламаизма и Аларского дацана в Иркутской губернии // Тальцы. — 2009. — №2 (33). — С. 9–18.

References

1. Gubin A.A. Manho. *Taltsy*. 2004. No. 2 (21). pp. 46–49 (in Russ.).
2. Kulakov P.E. Burjaty Irkutskoj gubernii. *Izvestija VSOIRGO*, 1895, Vol. 26, Iss. 4–5, pp. 118–166 (in Russ.).
3. Nefed'eva A.K. Burjatskij ulus-letnik v muzee Taltsy. *Taltsy*, 2004, No. 2 (21), pp. 56–61 (in Russ.).
4. Podgorbunskij I.A. Burjaty (istoricheskij ocherk). In *Pribavlenie k Irkutskim eparhial'nym vedomostjam*. 1902, No. 13–14, pp. 29–301 (in Russ.).
5. Shinkovoj A.I. K istorii lamaizma i Alarskogo dacana v Irkutskoj gubernii. *Taltsy*, 2009, No. 2 (33), pp. 9–18 (in Russ.).
6. Tihonov V.V. Burjatskaja jurta konca XIX — nachala XX veka iz ulusa Bajangazuj. *Taltsy*, 2002, No. 1 (13), pp. 39–44 (in Russ.).
7. Tihonov V.V. Perspektiva sohraneniya material'nyh nositelej tradicionnoj kul'tury Predbajkal'skih burjat. *V mire nauchnyh otkrytij*, 2013, No. 9 (45), pp. 376–387 (in Russ.).

8. Tihonov V.V. Harakter poselenij zapadnyh burjat konca XIX — nachala XX veka. In *Problemy sohraneniya, izuchenija i ispol'zovanija kul'turnogo nasledija v sovremennom muzee*. Ulan-Udje: Izdatelstvo Buryatskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii im. V.R. Filippova, 2013, pp. 127–131 (in Russ.).

9. Tihonov V.V. Perspektiva muzeifikacii elementov pravoslavnoj missionerskoj dejatel'nosti vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka v Irkutskoj gubernii. In *Nasledie svjatitelja Innokentija (Veniaminova) i pravoslavnaja missionerskaja dejatel'nost' v Sibiri, na Dal'nem Vostoke i sopredel'nyh territorijah*. Irkutsk: OOO «Reprocentr A1», 2015, pp. 193–198 (in Russ.).

10. Tihonov V.V. Ulus-zimnik zapadnyh burjat. *Taltsy*, 2017, No. 9, pp. 248–265 (in Russ.).

11. Tihonov V.V. Elementy material'noj kul'tury,

obespechivajushhie duhovnye potrebnosti zapadnyh burjat. *Etnograficheskij muzej segodnja: Materialy mezhtseional'nogo kruglogo stola, posvjashhennogo 50-letiju so dnja osnovanija Etnograficheskogo muzeja narodov Zabajkal'ja*. Ulan-Udje: Izdatelstvo FGBOU VO Burjatskaja gosudarstvennaja sel'skhozajstvennaja akademija imeni V.R. Filippova, 2018, pp. 92–98 (in Russ.).

12. Zhambalova S.G. Tradicionnaja sistema zhizneobespechenija: Poselenija i zhilishha. In *Burjaty*. Moscow: Nauka, 2004, pp. 93–104 (in Russ.).

Список источников

РГАДА. Ф. 350. Д. 1052.